

Прогулка / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Прогулка / рассказ ПРОГУЛКА

Когда дядюшка Лера, бухгалтер торгового дома Лабюз и К°, вышел из магазина, он был на несколько мгновений ослеплен блеском заходящего солнца. Весь день он проработал при желтом свете газового рожка в заднем углу конторы, выходящей во двор, глубокий и узкий, как колодец. Каморка, где вот уже сорок лет он проводил все свои дни, была такая темная, что даже в самый разгар лета в ней едва можно было обходиться без освещения только с одиннадцати до трех.

Там всегда было сумрачно, сыро и холодно, а со двора, тесного, как могила, в окно тянуло запахом плесени и вонью помойной ямы.

Сорок лет подряд г-н Лера приходил каждое утро к восьми часам в эту темницу; он просиживал в ней до семи часов вечера, согнувшись над бухгалтерскими книгами и работая с прилежанием усердного служащего.

Начал, он с полутора тысяч франков в год, теперь зарабатывал три тысячи. Он остался холостяком, так как скудные средства не позволяли ему жениться. Не изведав на своем веку никаких радостей, он и не жаждал многого. Однако время от времени, утомленный однообразным и непрерывным трудом, он выражал платоническое желание: «Господи, если бы у меня было пять тысяч ливров дохода, ну и пожил бы я в свое удовольствие!»

Но ему так и не пришлось пожить в свое удовольствие, потому что у него никогда ничего не было, кроме месячного заработка.

Жизнь его прошла без всяких событий, без волнений и почти без надежд. Ограниченность его стремлений лишила его способности мечтать, свойственной каждому.

Двадцати одного, года от роду он поступил в торговый дом Лабюз и К°. С тех пор он так и не менял места службы.

В 1856 году у него умер отец, затем в 1859 году – мать. И с тех пор никаких событий в жизни; только в 1868 году переезд на

другую квартиру из-за того, что хозяин дома, где он жил, хотел повысить квартирную плату.

Каждый день ровно в шесть часов утра он вскакивал с постели при оглушительном звоне будильника, похожем на скрежет разматываемой цепи.

Впрочем, два раза часы портились – в 1866 и в 1874 годах, причем он так и не выяснил, отчего это произошло. Он одевался, убирал постель, подметал пол, вытирал пыль с кресла и с комода. На все это он тратил полтора часа.

Затем он выходил из дома, покупал подковку в булочной Лагюр, где на его памяти сменилось одиннадцать хозяев, а вывеска все оставалась прежней, и пускался в путь, на ходу закусывая булочкой.

Все его существование так и протекло в темной и тесной конторе, где даже обои ни разу не менялись. Он поступил туда молодым, на должность помощника г-на Брюмана, с надеждой когда-нибудь получить его место.

Он получил это место и больше ничего не ждал.

Весь урожай воспоминаний, который другие собирают в течение жизни, – неожиданные события, нежная или трагическая любовь, путешествия и приключения, случайности холостяцкой жизни, – все это было ему чуждо.

Дни, недели, месяцы, времена года, целые годы походили друг на друга. Каждый день в один и тот же час он вставал, выходил из дома, приходил в контору, завтракал, уходил, обедал и ложился спать, и ничто никогда не нарушало правильного однообразного тех же поступков, тех же событий, тех же мыслей.

Прежде он смотрел на свои белокурые усы и кудрявые волосы в маленькое круглое зеркало, которое оставил его предшественник. Теперь каждый вечер перед уходом он созерцал в том же зеркале свои седые усы и лысую голову.

Прошло сорок лет, долгих и быстрых, пустых, как день печали, и похожих друг на друга, как часы бессонной ночи. Сорок лет, от которых не осталось ничего, никакого воспоминания, даже горестного, с тех пор как умерли его родители.

Сегодня г-н Лера остановился в дверях, ослепленный блеском заходящего солнца, и, вместо того, чтобы идти домой, ему

захотелось немного прогуляться перед обедом, – это случалось с ним четыре – пять раз в год.

Он вышел на бульвары, где под зазеленевшими деревьями струился людской поток. Был весенний вечер, один из первых теплых и ласковых вечеров, волнующих сердце жаждой жизни.

Г-н Лера шел подпрыгивающей стариковской походкой, он шел с веселым огоньком во взоре, счастливый общей радостью, и наслаждался теплотой, разлитой в воздухе.

Выйдя на Елисейские Поля, он продолжал шагать, и легкий ветерок приносил ему оживляющее веяние юности.

Все небо пылало, и темная масса Триумфальной арки выделялось на ярком фоне горизонта, как колосс, уцелевший среди пожара. Подойдя к гигантскому монументу, старый бухгалтер почувствовал, что проголодался, и зашел в закусочную пообедать.

За столиком, вынесенным на тротуар перед рестораном, ему подали баранью ножку, салат и спаржу, и г-н Лера пообедал так вкусно, как давно уже не позволял себе. Он запил сыр бри полубутылкой хорошего бордо, йотом заказал чашку кофе, что с ним случалось редко, и напоследок рюмочку коньяка.

Расплатившись, он совсем развеселился, почувствовал себя очень бодрим и даже немного под хмельком. Он подумал: «Вот славный вечер! пройдуь-ка я до Булонского леса. Это меня освежит».

И он пошел дальше. В голове его упрямо звучала песенка, которую когда-то пела его соседка:

Зазеленел лесок.

Мне говорит дружок:

«Красотка, выходи

Под сень листвы!»

Он напевал ее не переставая, начинал все снова и снова. Над Парижем спустилась ночь, ветерок стих, было тепло, как в оранжерее. Г-н Лера шел по аллее Булонского леса и следил за проезжавшими фиакрами. Они приближались один за другим, освещая дорогу блеском своих глаз-фонарей, и на мгновение можно было заметить обнявшуюся пару – женщину в светлом

платье, мужчину в черном.

Это была бесконечная процессия влюбленных, двигавшаяся под жарким звездным небом. Появлялись все новые и новые пары. Они мелькали и мелькали, раскинувшись в экипажах, безмолвно прижавшись друг к другу, как в бреду, охваченные любовным волнением, трепетно ожидая близких объятий. В душной мгле, казалось, порхали и реяли поцелуи. Нежная истома пронизывала воздух и теснила грудь. Волны знойной страсти исходили от этих обнявшихся пар, от этих людей, опьяненных одним и тем же желанием, одной и той же мыслью. Все эти экипажи, таившие столько неги, как будто оставляли на своем пути тонкий и волнующий аромат.

Наконец г-н Лера, немного устав от ходьбы, сел на скамью и продолжал смотреть на эту вереницу фиакров с истомленными любовью парами. И почти сразу же к нему подошла женщина и села рядом.

– Здравствуй, дружок, – сказала она.

Он не ответил. Она продолжала:

– Давай, я приласкаю тебя, дорогой; я очень мила, вот увидишь!

Он произнес:

– Вы обознались, сударыня.

Она взяла его под руку.

– Ну полно, не дури, послушай...

Он встал и отошел, сердце его сжалось. Но не сделал он и ста шагов, как к нему обратилась другая женщина:

– Не хотите ли посидеть со мной минутку, красавчик?

Он сказал ей:

– Зачем вы занимаетесь этим ремеслом?

Она встала перед ним и ответила изменившимся, хриплым и злым голосом:

– Черт возьми, конечно, не для своего удовольствия!

Он мягко настаивал:

– Тогда что же вас заставляет?

Она проворчала:

– Жить-то ведь нужно, вот какая штука!

И она отошла, напевая.

Г-ну Лера стало не по себе. Проходили другие женщины, звали,

приглашали его.

Казалось, что-то мрачное, невыразимо печальное нависло над его головой.

Он снова сел на скамью. Перед ним по-прежнему мелькали экипажи.

«Лучше бы я не приходил сюда, – подумал он, – теперь не знаю, что со мной, я совсем расстроился».

И он стал думать обо всей этой любви, продажной или искренней, о всех этих поцелуях, купленных или страстных, которые он видел перед собой, как в калейдоскопе.

Любовь! Он совсем не знал ее. В жизни у него были две или три женщины – случайные, неожиданные встречи, – ведь при своих скудных средствах он не мог позволить себе никаких излишеств. И он думал о прожитой жизни, такой непохожей на жизнь остальных людей, такой мрачной, унылой, серой и пустой.

Есть люди, которым в самом деле не везет. И вдруг словно плотная завеса разорвалась перед ним: он увидел все убожество, все беспросветное убожество своей жизни, убожество прошлого, убожество настоящего, убожество будущего, годы старости, так похожие на годы юности, и понял, что ничего нет впереди, ничего позади, ничего вокруг, ничего в сердце, ничего нигде.

Экипажи все проезжали мимо. Перед ним по-прежнему появлялись и исчезали в открытых фиакрах безмолвно обнявшиеся пары. Ему казалось, что все человечество проносится мимо, опьяненное радостью, наслаждением, счастьем. А он один смотрел на это, совсем, совсем один. И завтра он тоже будет одинок, будет одинок всегда, одинок, как никто на свете.

Он встал, сделал несколько шагов и вдруг почувствовал усталость, как будто только что прошел пешком долгий путь; он снова сел на следующую скамью.

Чего он ждал? На что надеялся? У него ничего не было впереди. Он подумал о том, как отрадно было бы в старости, вернувшись домой, увидеть лепечущих детишек. Хорошо стариться, когда ты окружен существами, обязанными тебе жизнью, которые тебя любят, ласкают, говорят тебе наивные и нежные словечки, согревающие сердце и утешающие во всех невзгодах.

Он вспомнил о своей пустой комнате, такой чистенькой и

печальной, куда никогда никто не входил, кроме него, и отчаяние охватило его душу. Эта комнатка показалась ему еще более жалкой, чем его тесная контора.

Никто туда не приходил, никто в ней никогда не разговаривал. Она была мрачной, безмолвной, в ней не раздавались звуки человеческого голоса. Стены как будто воспринимают нечто от тех людей, которые в них живут, что-то их походки, лица, речей. Дома, населенные счастливыми семьями, веселее, чем дома несчастных людей. Комната его была лишена воспоминаний, так же как и его жизнь. Мысль вернуться туда одному, лечь в постель, вновь проделать все то, что он делал каждый вечер, привела его в ужас. И как бы для того, чтобы уйти подальше от этого мрачного жилища, отдалить минуту возвращения домой, он встал и по первой же попавшейся аллее углубился в чащу и сел на траву. Вокруг себя, над собой, повсюду он слышал неясный шум, беспредельный и непрерывный, состоящий из бесчисленных и разнообразных звуков, глухой, близкий и далекий шум, смутный и мощный трепет жизни, дыхание Парижа, биение пульса этого живого гиганта.

...

Солнце поднялось уже высоко и заливало Булонский лес потоками света. Появилось несколько экипажей; весело проскакали всадники.

По пустынной аллее медленно проходила пара. Вдруг молодая женщина, подняв глаза, заметила в ветвях что-то темное; удивленная, встревоженная, она подняла руку.

– Посмотрите... что это?

И, вскрикнув, без чувств упала на руки спутника, которому пришлось положить ее на землю.

Вскоре позвали сторожей, и они вынули из петли старика, повесившегося на своих подтяжках.

Было установлено, что он умер еще накануне вечером. Из документов, найденных при нем, выяснилось, что он служил бухгалтером в торговом доме Лабюз и К° и что фамилия его была Лера.

Смерть приписали самоубийству, причины которого так и остались невыясненными. Не было ли здесь внезапного приступа помешательства?

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 27 мая 1884 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Тетеревниковой. Некаýalar